

© 2002 г.

А. НОРО

"ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ" КАК ТРЕТИЙ ЖАНР СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

НОРО Арто - доктор социальных наук, старший лектор социологического факультета Хельсинкского университета.

В прагматической речи или при констатации эмпирических фактов можно различить два типа социологической теории. Назовем их исследовательской теорией и общей теорией.

Исследовательская теория - это тип теоретизирования, прямо связанный с эмпирическими данными, полученными в ходе исследования. Эти данные могут быть произведены любым из методов, доступных социологии. В любом случае исследовательские теории вырабатываются на основе материалов исследования, полученных путем применения этих методов. Хотя, с другой стороны, исследовательская теория используется в интерпретации полученного в ходе исследования материала. Таким образом, исследовательские теории относятся ко всем тем концептуальным конструкциям, которые используются и разрабатываются в эмпирической социологии - от простых концептуальных классификаций и типологий до идеальных многомерных типов или каузальных гипотез с присущей им теоретической терминологией.

Значительная часть теоретических дискуссий внутри социологии имеет место на уровне исследовательской теории. Именно они обычно и заключают в себе научный дискурс конкретных сфер социологии. Если бы его не было, мы бы имели дело просто с прагматическими исследованиями.

Общие теории, со своей стороны, не связаны напрямую с эмпирическими данными конкретных исследований. Однако они, при этом, используют в качестве своей основы результаты исследовательских теорий и дискуссий, имеющих место на этом уровне, как свой основной материал. Но в отличие от универсализма общей теории, отличие исследовательской теории заключается не в пространственной или временной привязке. Разница заключается в том, что общие теории являются общими в том смысле, что они ставят и пытаются ответить на вопрос: как конституированы "общество", "социальное" или "культура". Социологический вопрос конституирования - это вопрос правил, применяемых к формированию социального феномена, или условий, делающих его возможным. Примерами могут служить веберовские категории социологических понятий в "Экономике и обществе", неоднократно встречающийся у Зиммеля вопрос о возможности общества, условия (framework) социального действия Парсонса, гоффмановская альтернатива Парсонсу, теория коммуникативного действия Хабермаса, системно-теоретическая альтернатива ей,

предложенная Луманом, или предпринятая в 1980-х гг. Гидденсом попытка структуризации ("Конституция общества") и последовавшая за ней дискуссия о соотношении структуры и агента.

Эти примеры могут стать поводом для недоразумения, заключающегося в том, что общая теория - это, якобы, или просто исследование классиков, или так называемая теория теоретиков, не имеющая выхода на реальную, эмпирическую исследовательскую теорию. Конечно, исследование классиков тоже могут считаться частью жанра общей теории: ведь классиков можно читать с целью открытия оригинальных ключевых метафор [См.: 3].

Более внимательный взгляд в историю социологии показывает, что появление временами великих теоретических построений, так называемых теорий теоретиков, никогда не закрывало путь многим плодотворным "малым" находкам, стоящим на плечах этих гигантов. Часто на уровне исследовательской теории получали признание те объекты, которые стали предметом малых находок на уровне исследовательской теории - примером чего является дискуссия о "структуре и агенте", имевшая место примерно десять лет назад. И даже Луман, наиболее эзотерический теоретик современности, не смог избежать использования уровня исследовательской теории. Немецкие социологи разных направлений использовали его идеи как старый, надежный набор инструментов, радостно оставляя разгадку общего контура теории Лумана так называемым теоретикам.

Так же, как ни одно общее теоретизирование в социологии не может обойтись без знания эмпирической социологии, то есть исследовательской теории и ее результатов, так и исследовательская теория не может оставить в стороне общую теорию. Общая теория приобретает свою значимость, когда исследовательская теория сталкивается с проблемами, которые вынуждают ее вернуться к своим исходным положениям и требованиям. Тогда становится ясным, что значит общая теория, понимаемая как конституирующая. Она является референтными рамками, от которых зависит исследовательская теория. Референтная рамка действительно, как это считает и Парсонс [ср.: 4, S. 374], есть нечто более основательное (здесь - конституирующее), чем просто теория. Сегодня жидкие, вынужденные разговоры о референтной рамке социологического исследования - которые часто встречаются в исследовательских отчетах - уводят от этого важного факта. Важного потому, что даже если исследовательская теория часто может обойтись без объяснения своей референтной рамки, своей конституирующей общей теории, это не должно смазывать тот факт, что общая теория - тоже социология и тоже обсуждаема социологами. Если общая теория была бы переделана в метатеорию без социологического понятия проблемы конституирования, ее легко можно было бы присоединить к философской проблематике (обычно - философии знания), превращая, таким образом, общего теоретика социологии в философа.

Диагноз времени - отдельный жанр социологии?

Итак, в идеальном случае исследовательская теория и общая теория выступают как отдельные жанры, которые, тем не менее, нуждаются друг в друге. Они утрачивают общую основу только тогда, когда первая становится конкретным прагматическим исследованием, а вторая - философией.

Но, выделив эти два жанра теории, получим ли мы точную оценку или описание современных социологических жанров? Что значит то, что современных социологов часто называют журналистами или даже чародейками общественных настроений? Ответ - Диагноз времени. Социолог - Диагност времени действительно легко становится журналистом, но до тех пор пока он/она в своем Диагнозе времени не начнет использовать социологические исследовательские теории и последовательно применять общую теорию.

Является ли вообще Диагноз времени легитимным жанром социологии? На этот вопрос социологи отвечают двояко. Одни говорят, что хорошая социология всегда включает в себя некий Диагноз времени. Посмотрим наших классиков. Скажем,

в "аномии" (Дюркгейм), "железной клетке" (Вебер), "трагедии культуры" (Зиммель) не нужно отдельно, особо говорить о "Диагнозе времени". Второй тип ответов состоит в том, что собственно исследование (то есть исследовательские теории) и логическая общая теория в достаточной степени используют социологию. Здесь Даниелу Беллу остается только лишь выступить в роли "социолога - автора передовых статей" (журналиста) и писать диагнозы о смерти идеологий, постиндустриализме и культурных противоречиях капитализма.

Оба эти взгляда, по всей видимости, приемлют наличие Диагноза времени - или как части социологии или как жанра, отданного на откуп определенному типу социологов. В сравнении со взглядами, в которых все объясняющая общая теория выхолащивает вопрос о самой возможности существования Диагноза времени (ср. исторический материализм Валлерстайна) или теорию Лумана о само-мониторинге (self-monitoring)), оба вышеупомянутых типа ответов вполне понятны, а в применении к современной социологии и вполне недостаточны. Хотя двадцать лет назад эти ответы еще бы были пригодны.

Сегодня, оценивая современную социологию в Европе, можно увидеть, что Диагноз времени уже выступает отдельным жанром социологии. Речь не идет просто об изложении философиями (Lyotard) и историками идей реакции на "постмодерн" (postmodernity).

Начало было положено немецкой социологией середины 1980-х гг.: работами Ульриха Бека (Ulrich Beck) и его Диагнозом времени "общества рисков". За ним в начале 90-х последовал поворот Энтони Гидденса к жанру общей теории, опубликовавшего свой лекционный курс в Стэнфорде - "Последствия модерна", а затем имеющие характер время-диагностирующей книги о природе модерна и интимных отношениях. С тех пор время-диагностирующие пути Гидденса и Бека пересеклись, породив теорию рефлексивной модернизации, которая до сих пор остается основным дискурсом Диагноза времени в европейской социологии, хотя сам Бек настаивает на том, что этот дискурс является "теорией" (в дискуссии 1999 г.), тем самым подчеркивая общетеоретические и социологические корни своих Диагнозов, а также собственные связи с научным дискурсом в целом.

В дополнение к Беку и Гидденсу в 80-90-е годы в социологии выдвинулись другие авторы, которых тоже можно считать диагностами времени. Зигмунт Бауман [1], которого можно считать ветераном социологии, является хорошим примером диагноста времени 1990-х, в том смысле, в котором они понимаются в этой статье.

Но что такое *Диагноз времени*?

В общем виде, Диагноз времени пытается ответить на вопросы: кто мы, и - какое сейчас время? Историки понятий, идей (прежде всего - Koselleck) считают, что вопросы относительно природы эпохи волновали людей со времени утверждения модерна (modernity) (1750-1850), то есть когда наш опыт был выделен из горизонта наших ожиданий; когда истории спасения отошли в сторону, позволяя времени самому делать историю; когда будущее перестало быть предопределенным, а такие понятия времени как прогресс, развитие, кризис, революция и планирование - стали важными [ср. 51].

Открытие модерна делает философию "Захваченной мыслями Времени" (Гегель), или, по Хабермасу, "Дух времени завоевывает Власть над Философией". Действительно, с того времени в философии есть - в дополнение к господствовавшей школе философии (или аналитике истины) - время-диагностирующее течение (или онтология актуального - Гегель, Ницше, Ясперс, Франкфуртская школа, Фуко и др.). Проблема представления природы эпохи позже также дала толчок возникновению социологии знания, поскольку проект Карла Мангейма построен вокруг вопроса возможности (для интеллектуала) найти Архимедову точку, позволяющую изобразить природу эпохи.

Представления о природе эпохи получают новые акценты с переходом от "открытия модерна" в рамках современной эпохи (Moderne) к модерну (Modernität). Модерн (ср. эстетику модерна у Бодлера) подразумевает все более серьезные перемены в личном опыте и превращает историческое время во все более короткие "моменты"; историческое сознание формируется соответствующими сходством событий и переменами, историческое время в итоге становится шоком и/или революционным событием. Модерн, пишет теоретик эстетики Яусс (Jauss), соединяет философию истории и эстетический опыт. Лишь теперь можно сказать, что настоящий момент, или точнее - момент-сейчас (Jetztzeit) становится фокусом описания эпохи. Описание духа времени настоящего становится главным средством ориентиров будущего в настоящем. Вышеизложенное суммирует анализ Клаусом Лихтблау [5] концептуальной истории "модерна" (Moderne) и "модернити" (Modernität). Как весьма точно отмечает он, надо следовать духу времени или погибнуть.

Интерпретация с помощью понятия модерна позволяет сказать, что Диагноз времени, стремящийся к духу времени (или настоящего момента), становится важным социокультурным состоянием, которое последовательно соединяет разные авангардистские движения; общественное мнение постоянно меняет свои настроения; мода - и поэтому наш вкус - также меняются, а наши столь разные стили жизни находятся в урбанистском пространстве больших городов.

Если эту характерную современную ситуацию назвать вечной "потерей единства эпохи", тогда постоянная потребность в диагностике времени означает стремление к этому единству. Таким образом, Диагноз времени, выступающий как отзыв на такую утрату, сам по себе не может не быть временным, он не может не выступать как нечто неотделимое от преходящих тенденций, которые, в свою очередь, не могут быть спасены, когда они миновали. Он ближе к "исчезающей красоте", чем прочная теория.

"Диагноз времени" как термин

В английском языке нет установившегося эквивалента "Диагноза времени (Zeitdiagnose)" [ср. 9, р. 10-11]. Это также индикатор того, что этому понятию, или феномену, с которым он соотносен, уделялось мало внимания в англоязычном мире. "Время (Zeit)" соотносится с современниками, делающими Диагноз своего времени. "Диагноз (Diagnose)", со своей стороны, - связан с медицинским термином и поэтому должен восприниматься лишь как метафора, хотя вполне удачная, особенно учитывая то, что Диагнозы времени в социологии часто предполагают терапию, по меньшей мере, как лекарство (ср. также аргументы против использования "Диагноза" в философии - Валгрэн [9, р. 146-147]).

Говоря о Диагнозе времени, я сознательно не использовал термин "анализ" и "критика", часто появляющиеся, по меньшей мере, в дискурсе в Финляндии. "Анализ" часто накладывает отпечаток сциентизма на феномен, при этом скрывая синтез, с которым мы часто имеем дело. "Критика" - также слишком узкий термин: это слово нагружено значениями, указывающими на кризис и соответствующие ему социальные теории. Более того, этот термин связан и с традиционными значениями критицизма как критицизма внутреннего, стремящегося подчеркнуть, что нечто не функционирует в соответствии со своими критериями, так и критицизма внешнего, критикующего это нечто за то, чем оно не является. Это делает нас неспособными достичь представлений, черпающих силу и красоту из способности дать нам новое описание состояния дел, описание, которое может влиять на наши действия (ср. Фуко в качестве "критического" специалиста по генеалогии и диагностике времени). Термин "критика" также не передает представлений, одобряющих нынешнее состояние дел, то есть дел, идущих прекрасно. В конце концов, Диагноз времени может просто объявить пациента здоровым. Поэтому обсуждаемое понятие не должно стать монополией теоретиков сомнения или критической теории.

Характеристики *Диагноза времени*

Вальтер Резе-Шефер [8], изучивший "идейно-исторические" Диагнозы времени XX в., указывает, что Диагнозы времени имеют присущую им рациональность. Она определяется такими факторами, как способность блюсти свои интересы, достоверность, цельность и логичность исследования. Он утверждает, что все формы репрезентации, используемые диагностами времени, есть риторические стратегии, направленные на достижение этих целей. В итоге, подлинная среда Диагноза времени - рефлектирующее суждение (сила суждения *Urteilkraft*), которое охватывает разные методы и результаты, делая релевантными разные исследовательские стратегии в зависимости от личной компетенции и доступных точек зрения.

Но Резе-Шефер [8, S. 383] также вынужден признать, что за всеми изложенными выше рациональностью и суждениями стоит вопрос: позволяет ли "Диагноз времени" прозреть (*Einsicht*) или нет. Рациональность Диагноза времени связана с его субъектом. Мы имеем дело с "субъективным и, тем самым, с синтезами перспектив". Следовательно, главный критерий Диагноза времени таков - дает ли он читателю новый взгляд или нет.

Поэтому характеристикой Диагноза времени является прозрение, понимание, осознание, видение, как бы это ни называть. Он дает нам нечто, о чем у нас есть лишь слабое подозрение, не говоря уже об аргументации, которая подтвердила бы это нечто. Здесь новизна подобна новизне эссе: материал уже известен, и, тем не менее, он снова предстает в новом виде. Не являясь новым, тем не менее, ново.

Другой характеристикой Диагноза времени является то, что выражаемые им точки зрения часто откровенно окрашены личными пристрастиями. Они открыто стремятся быть нормативными, а часто и политически ангажированными. Однако самый интересный аспект такого стремления - его цель: а именно, сделать Диагноз времени морально обязывающим. Это превращает их в квази-действия, придает им вкус делания вещей посредством слов. Нас объявляют нарциссистами. Или: мы живем в обществе переживания (*Erlebnisgesellschaft*).

При этом необходимо, чтобы язык имел способность пробуждать эмоции. Это подобно ситуации, когда мы бы вернулись назад к устным культурам, в которых слова могут обладать магией событий, а не просто быть ярлыками для вещей. Как будто в облике диагностов времени возродились мудрые сказочники и пророки минувшего, ищущие "истинный" дух времени модерна. Умелый диагност времени может предложить читателю "подтверждение", подобное словам священника. Нельзя оставить в стороне и значение языка, использованного в диагностирующих время разделах "Манифеста Коммунистической партии", - в сравнении с довольно слабыми программными главами.

Действительно, можно сказать, что Диагноз времени, даже социологический Диагноз,-это перформативное послание (послание к действию), передаваемое вовне научным дискурсом, иногда представляющее собой только поступок исследователя. Это не теория. Это практическая мудрость, но трудная для использования в качестве инструмента, как средство достижения цели. Скорее такие послания диагностов времени - хороший (или плохой) совет, облегчающий ориентацию в "здесь" и "сейчас". Такое экзистенциальное знание может помочь нам упорядочить нашу деятельность, даже если это лишь облик духа времени (например, нарциссист, юппи, общество переживания, общество риска, рефлексивная модернизация...). Новое прозрение, даваемое диагностом времени, может всегда преодолеть прежнюю слепоту. Но это претензия по отношению к модерну в целом, которая уже сама выполнена на уровне Диагноза времени.

Специфика использования *Диагноза времени*

Когда мы говорим о социополитическом использовании Диагноза времени, например, социологического, мы можем вначале не учитывать возможности использования его "результатов" как инструментов подготовки политических решений, реформ

и планов. Когда что-то делается "за спиной людей", трудно использовать время-диагностирующие взгляды, по сравнению, например, с результатами обычной исследовательской теории, не говоря уже о прагматических исследованиях. Конечно, есть возможность эвристического использования этих идей в умах тех, кто планирует реформы. Однако вероятнее было бы использовать их эвристический потенциал в планировании и массмедиа, особенно когда речь идет о проектировании контуров наших умонастроений. Современные массмедиа способны переработать и превратить в продукцию результаты Диагноза времени, имеющего скорее научное происхождение, о чем говорят примеры переработки идей "нарциссизма", "юппи", или "перезаживания". Однако долгое время массмедиа были способны производить и собственных диагнозов времени, чьи Диагнозы часто имеют мало общего с миром науки.

Будучи отраслью социальной науки, социология имеет свою собственную двойную герменевтику. Это значит, что ее результаты не просто входят в "создание продукта" при выработке социетальных решений за спинами людей или поверх их голов, но и в умонастроения людей, их повседневное сознание. Поэтому мы - аудитория социологии, или, скорее, - ее аудитории. Социология - дискурс об обществе (общности) с обществом (общностями). Результаты социологии, на уровне исследовательской теории, а также некоторые идеи общей теории, находят свою аудиторию, наше повседневное сознание.

И все же нельзя онаучить это повседневное сознание, заменяя познанные модели повседневного понимания операциональными моделями социологии (термины взяты у Рапппорта (Rapport) [8]). Мы живем в нарративах нашего повседневного сознания (то есть - в социальных конструкциях), а они - морально обязывающие, квази-перформативны, и они "придают смысл" миру вокруг нас. Это утверждение, конечно, само по себе - одно из антрополого-нео-дюркгеймианских сциентистских (операциональных) моделей происхождения культуры. Это косвенно подтверждают аргументы некоторых философов (например, Юбера Дрейфуса [2]) о "подразумеваемом знании" и "навыке", присутствующих во всех действиях людей, как нечто, что не может быть научно удостоверено, то есть концептуализировано без остатка.

Тем не менее, социологические результаты могут влиять на содержание кодов нашей жизни и менять наши конструкции. Это трудно описать. Намного легче описать ту цепочку, в которой социологический результат, например, социальные последствия употребления алкоголя (Кеттил Бруун (Ketil Bruun) и др.), включается в рационалистскую подготовку организационного решения. Можно сказать, что когда научный социологический результат выходит из сферы научной коммуникации и входит в коллективное повседневное сознание, он иногда сравним с землетрясением или мутацией, по меньшей мере - с неожиданным "событием массмедиа". Он превращается и событие, меняющее наши повседневные нарративы и, следовательно, конструкции.

Тезис о возможных событие-подобных результатах научного труда затрагивает обычные исследования и исследовательскую теорию. Но как быть с Диагнозом времени и его "результатами": потрясают ли они наше повседневное сознание? В известном смысле ответ вполне тривиален. Так как Диагноз времени уже охарактеризован как нечто, продуцирующее "прозрение" на основе уже известного, он в известном смысле особенно пригоден для изменения наших конструкций событие-подобным образом. Хотя "восприятие контуров" духа времени, вероятно, более размытое событие, чем реакция на ясные, конкретные результаты обычного исследования.

Как событие, обаяние и сила Диагноза времени вытекают из того факта, что он представляет квази-перформативный жанр текста, - тем самым являясь крайне соблазнительным жанром, подобно речи древнего мудреца. Он изображает свою собственную событие-подобную природу и поэтому сознательно ожидает появления события. Таким образом, можно сказать, что Диагноз времени в этом смысле на шаг опережает результаты обычного исследования. Когда он находит читателя (слушателя), он обладает преимуществом пророка рефлексивности. Это преимущество является свойством самого жанра.

Итак, в данной статье Диагноз времени означает постоянный поиск духа времени. Поэтому такой Диагноз лишен общей точки зрения на нашу эпоху в целом. Если бы она была, это уже было бы единой теорией эпохи. Но хотя такой "взгляд бога", вероятно, может ограничивать ценность многих попыток Диагноза времени, придавая им значение всего лишь попыток. В итоге, такой общей теории Диагноз времени больше не был бы нужен.

Диагноз времени, стремящийся найти дух времени, - рискованный продукт, и в этом качестве он сравним с результатами исследований рынка. Они оба рискованные продукты для того, кто их заказывал, то есть клиента. На их основе можно строить его/ее действия, но это может привести и к неудачам. Их преимущество (или удобство) - в их пророческой силе самореализации. Действительно, и Диагноз времени, и исследование рынка в современном мире давно связаны. В то время как Диагнозы времени часто были попытками поиска социальных характеристик эпохи (ср. Рисман, сейчас Бауман), рынок уже давно нарисовал образы денди, сноба, фланера и т.д. Эти типы героев современности тоже породили свои, уже ставшие нарицательными типажи, появление и уход которых можно легко отследить. Эти образы использовали для отслеживания духа времени, что, в частности, означало поиск подходящего стиля.

Похоже, что Диагноз времени имеет параллели в сфере моды. И тот и другая могут быть весьма сходными. Ведь мода также стремится к своему духу времени и к самому новому из нового. Но это никогда не будет полностью новым по сравнению с искусством и наукой. Не является совершенно новым и социологический "Диагноз времени" по сравнению с новациями исследовательской теории и общей теории. Однако у него то же очарование, что и у моды. Он тоже говорит нам, что наш вкус постоянно меняется. Подобно моде он также участвует в вычислении парадокса хорошего вкуса [об этом и моде см. 3, р. 74-101]. "Диагноз времени" тоже ищет "общее чувство" (*sensus communis*). Даже творцы моды вынуждены обращаться к Диагнозу времени в поиске духа времени. Не невозможно найти подобный моде акцент на ретро в быстрой смене Диагнозов времени (социальные типы опять в моде!). Может быть, мы даже сможем найти индивидуальные Диагнозы времени, включающие свое собственное отрицание или внутреннее старение.

Индивидуальный Диагноз времени - мыслительный артефакт, которому, благодаря массмедиа, уготована судьба, схожая с судьбой моды. Сегодняшний журнализм способен превратить единичный Диагноз времени в массовый модный товар. Здесь мы в умственной сфере видим нечто, что уже было видимым в другом месте - в устройстве Диагнозом времени нашей материальной среды. При определенном рефлексивном Диагнозе времени можно утверждать, что Диагноз времени стал проектом духа времени. Раньше мы могли говорить, что Диагноз времени важен потому, что мы отслеживаем дух времени. Он нужен для нового прозрения, особенно в сфере ожидания будущего. Сейчас можно сказать, что сам Диагноз времени превратился в умственный продукт и в нечто, что можно планировать. Лишь в обществе массмедиа и обществе ожидания, планирования будущего мы действительно "видим", сколь велик спрос на это.

Компоненты социологического *Диагноза времени*

Если изложенная оценка верна, у нас нет возможности избежать Диагноза времени. После недавних открытий Бека, Гидденса и Баумана это относится и к социологии. Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть, что социологический Диагноз времени - это послание из сферы научной коммуникации, которое должно играть достаточно небольшую роль в научном дискурсе по сравнению с исследовательской теорией и общей теорией. Тем не менее, можно сказать, что хотя социологический Диагноз времени не предназначен для научного дискурса, его все же можно рационально оценить за использование им материалов социологии. Составляющие, которые он берет из исследовательской и общей теории, - предметы социоло-

гического дискурса. Однако было бы недоразумением пытаться объявить "прозрение" Диагноза времени недействительным непосредственно на основании результатов независимого эмпирического исследования. Это означало бы смещение уровней или ошибку в категориях.

Рассмотрим как пример оценку, данную лучшему социологическому бестселлеру всех времен (свыше 1,6 млн. экз.). Это "Одинокая толпа" Рисмена (Riesman) (1950), опубликованная в книге "Культура и социальный характер: обзор трудов Дэвида Рисмена" под редакцией Липсета (Lipset) и Ловенталя (Leo Lowenthal) в 1961. В этой книге обсуждается приверженность Рисмена понятию социального характера (общая теория), использование им эмпирических данных, полученных другими (исследовательская теория), и исследования, которые он провел сам в процессе подготовки книги (исследовательская теория). С точки зрения современности весьма поучительно познакомиться с этим, довольно высокого качества, дискурсом, хотя никто из его участников, даже Лео Ловенталь, несмотря на свое франкфуртское прошлое, не имел концепции Диагноза времени. Вглядываясь в прошлое, можно предположить, что диспутанты были бы лучше оснащены для обсуждения разных аспектов книги Рисмена, если бы воспринимали ее как Диагноз времени в изложенном здесь смысле.

С другой стороны, осознание этого жанра в современной англо-американской социологии ничуть не лучше. Это может стать преимуществом сомнительного плана - работа, опубликованная как исследование или поиск, умело скрывает вечно преходящую природу Диагноза времени, представленного в нем. Не всегда легко увидеть, что Диагноз времени доминирует в социологическом труде. Мы называем бестселлерами издания исследований Арли Рассел Хохшилд (Arlie Russel Hochschild) благодаря ее высочайшему социологическому мастерству, хотя в них нет компонента Диагноза времени. В конце концов, хорошая социология - всегда содержит в себе Диагноз времени, как нам столь часто это повторяют.

Возможно, что роль Диагноза времени слабеет, когда растет объем собственных серьезных, мастерски выполненных исследований. Рисман, например, использовал довольно мало собственного исследовательского материала. И в то же время его классический труд полон примеров записей жизненных историй, литературы и истории культуры, мысленных экспериментов и хороших типологических интуиций. А это как раз и есть "Диагноз времени". То есть, оставьте его Даниелу Беллу и другим журналистам, говорят нам.

Однако в социологии есть Диагнозы времени, в большей мере опирающиеся на эмпирические исследования, выполненные как самим автором Диагноза времени, так и другими. Возьмем как пример "Молчаливую революцию" (1977) Роналда Инглхарта (Ronald Inglehart). Все части этого классического исследования о политических ценностях становятся на место, если его воспринимать как Диагноз времени [см.: 8]. Работа Герхарда Шульце (Gerhard Schulze) "Общество переживания" [Die Erlebnisgesellschaft] (1992) также представляет собой Диагноз времени. В ней эмпирические исследования автора играют существенную роль, хотя и несравнимую с огромным объемом эмпирических данных, использованных в аргументации Инглхарта. Шульце - профессор эмпирической методологии социологии, - в общем, не доверяет обоснованности квазиэкспериментальных методов аргументации в социальных науках. Поэтому собственный материал Шульце о потреблении культуры работает с одной стороны эвристически, но, с другой стороны, как иллюстрация его теоретической разработки характера общества переживания.

Ни Гидденс, ни Бек не пользуются собственным эмпирическим материалом в своих социологических Диагнозах времени. Но они оба используют материал, взятый на уровне исследовательской теории, то есть основанный на эмпирическом исследовании. Гидденс обычно разворачивает свои ключевые понятия (доверие, второй шанс, чистые отношения, роковые моменты...), опираясь на результаты эмпирических исследований, иногда меняя термины, иногда сохраняя оригинальные. Бек со своей стороны непосредственно вводит результаты эмпирических исследований всех подхо-

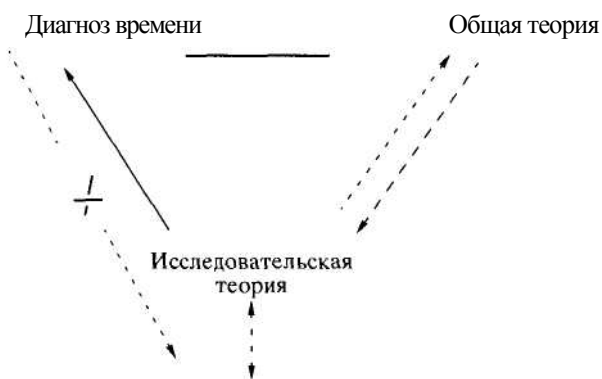

дящих сфер социологии, тем самым подкрепляя свои утверждения. Его тексты становятся более журналистскими, при том, что объем выводов уменьшается. Во избежание этого, Бек особенно чуток к необычным эмпирическим данным. Это, конечно, характерно для Диагноза времени в целом, но у Бека имеет место особый время-диагностический тезис о необычных взаимоотношениях сегодняшнего дня и века, что требует необычных эмпирических данных, и наоборот.

Гидденс сам в прошлом занимался общими теориями. Но он не вполне самодостаточен в использовании общей теории, как можно было бы предположить. Он вполне открыт новым веяниям, например, навеванным немецким дискурсом вокруг работ Бека, и готов найти им место в рамках своих положений. Бек, со своей стороны, следует немецкой дискуссии по общей теории достаточно эклектически и изымает некоторые свои темы, например, такие как индивидуализация. Он, однако, значительно больше полагается на некоторые классификации Лумана, чем, к примеру, Хабермас.

Бауман, представляется, не связан с какой-либо социологической исследовательской теорией или общей теорией, - хотя временами он выражает общее марксистское (?) неодобрение мира в целом, например - в вопросе потребления и рынка. Бауман выделяет собственно Диагноз времени, тем самым акцентируя философский материал. С одной стороны, в руках Баумана находится более эзотерический философский континентальный дискурс (ср. Левинас (Levinas)), который превращается в социологический "Диагноз времени"; с другой стороны, социологический "Диагноз времени" возвращается к источнику всякого Диагноза времени, то есть к духу времени в форме философии.

В конце можно привести диаграмму, суммируя изложенное о месте социологического Диагноза времени в поле социологии. Итог представлен в форме "треугольника", с самого начала служившего основой данной статьи (Рисунок).

"Диагноз времени" в поле социологической теории (направленные вниз стрелки указывают на "эмпирические данные")

Диагнозы времени, прежде всего, это красота, ускользающая от сциентистского мира науки. Хотя мы можем оценить их в той мере, в которой речь идет об указанных на рисунке составляющих, мы никогда не сможем вернуть их в научный оборот. Научный дискурс, например, не может использовать их как теории в интерпретации эмпирических свидетельств. Ибо это вело бы к ситуации, когда оказываешься в их плену: мы бы нашли в нашем материале то, что уже обозначили Диагнозы - и это было бы плохим подражанием.

В повседневной жизни нас, конечно же, могут очаровывать Диагнозы времени, но не в мире науки. На диаграмме это обозначено перечеркнутой "плохой" линией, идущей прямо от Диагноза времени к эмпирическим данным, что служит для

предупреждения исследователям, и особенно студентам-социологам, работающим над своими диссертациями, о стоящей перед ними серьезной опасности.

Но это предупреждение не означает запрета социологам касаться Диагноза времени. Новые, прозренческие Диагнозы времени могут оказать эвристическую помощь в исследовательских теориях, вызывая к жизни новые вопросы или, как минимум, переоценку старых привычных ответов.

И если мы, социологи, действительно ценим способность оценивать наше собственное время в форме Диагноза времени, мы можем говорить о необходимости разработки дидактики Диагноза времени для преподавания в университетах [ср.: 8, S. 388]. В таком преподавании старые (и новые) классические Диагнозы времени могут служить и каноном, и материалом для обучения на примерах. Возможно, мы найдем рынок труда для нового продукта: социолога-журналиста, компетентного в диагностике времени

*Перевод с английского Н.В. РОМАНОВСКОГО
(грант РГНФ № 00-03-00127)*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bauman Z.* Postmodern Ethics. Oxford, 1993.
2. *Dreyfus H.* Mind over machine. Oxford, 1989.
3. *Gronow J.* The Sociology of Taste. L-NY, 1997.
4. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2. Fr.-a.-M., 1982.
5. *Lichtblau K.* Soziologie und Zeitdiagnose. Die Moderne in Selbstbezug / Jenseits der Utopie. Theoriekritik der Gegenwart. *Muller-Doom S.* (Hrg.). Fr.-a.-M. 1991.
6. *Noro A.* Miksi sosioloiaassa tutkitaan klassikkoja? (Почему социологи учат классиков социологии?) // *Sosiologia*. 1991, V. 28. № 3. Pp. 157-160.
7. *Rappaport R.A.* Ecology, Meaning and Religion. California, 1979.
8. *Reese-Schafer W.* Zeitdiagnose als wissenschaftliche Aufgabe // *Berliner Journal fur Soziologie*, 1996, Heft 3. S. 377-390.
9. *Wahlgren T.* The Challenge of Philosophy. Beyond Contemplation and Critical Theory. Helsinki, 1996.